

Коннери Шон

16-22.05.94

16-22.05.94 с. 14, 15

В роли агента 007 в «Голдфингере» (1964 год).

Фото «Обсервер мэгэзин», Лондон.

странные позы (так всегда поступают все фотографы), я играю с его собакой по кличке Водка — огромным черным лабрадором, похожим на меховой спальный мешок с ножками, который накидывается на меня с показной свирепостью, норовя заключить в объятия.

— Теперь вы от него не отделяетесь, — улыбается Коннери.

Мы подходим к отдельному зданию, где

они занимают куда большее место, нежели их физическая оболочка. Без сомнения, Шон Коннери — один из них.

Возможно, именно эта властная материальность, вторгшаяся в общественное сознание вместе с первыми фильмами о супершпионе Джеймсе Бонде, заставила зрителей разглядеть в Коннери нечто большее, чем еще одного актера с мужественной внешностью. Его внешность сразу бросается в глаза, и она дана ему от природы. Он не только смог вырасти большим и красивым. Каким-то неведомым образом он ухитрился даже процесс естественного старения представить миру как результат удачной косметической операции. Актер вовсе не выглядит моложе своего возраста, просто он по-прежнему смотрится лучше своих ровесников, а ведь в августе ему исполнится 67 лет.

Эта неутомимость показывает, что, несмотря на все его благосостояние, Коннери не уделяет слишком большого внимания своей частной собственности. Возможно, она даже служит для него помехой, ведь актер предпочитает постоянно быть в движении.

— Я готов сдвинуться с места в любой момент. Никогда не держу при себе много вещей. Моя жена, напротив, любит ими обрывать. Когда мы стали жить вместе, она никак не могла взять в толк, почему у меня их так мало, как будто

собственной значимости. Кажется, это правило как нельзя более подходит к Шону Коннери.

Все это относится не только к области чисто материального. И в интеллектуальной сфере Коннери готов от многого отказаться в пользу других, включая собственные достижения. Даже свою популярность у зрителей он склонен приписывать специфической природе фильмов с его участием.

— Думаю, моя популярность в какой-то степени основана на тех фильмах, в которых человек справляется с любой ситуацией, что многим по душе.

Качество самих фильмов актер часто ставит в заслугу сценаристам, режиссерам и коллегам-актерам, снимавшимся вместе с ним. Так, говоря о фильме «Имя Розы», он хвалит режиссера Жан-Жака Энно и сценариста, писателя Умберто Эко: «Получилось очень впечатляющее зрелище, а все из-за умения закрутить сюжет». Вспоминая фильм «Робин и Мэриан», Коннери прежде всего говорит о преклонении перед сценаристом этой ленты Джеймсом Голдманом. Если спросить его о Шотландском образовательном фонде, который он основал и передал ему весь свой гонорар за фильм «Бриллианты вечны», Коннери станет рассказывать о замечательных людях, сделавших многое для этого фонда.

В разговоре об актерах и актерской игре Коннери, естественно, чрезвычайно интересен и всеведущ, но тут невольное удивление вызывает то, что такой замечательный актер склонен больше говорить о других, нежели о самом себе. Его восхищение коллегами велико и безгранично. Оно переходит в восторженное перечисление великих имен — от Ральфа Ричардсона, Лоренса Оливье, Кэри Гранта

и Спенсера Трейси до Николая Кейджа, Брэда Питта и Джонни Деппа (о последнем он отзывается как о «непредсказуемом, но интересном актере»).

Отдельно упоминает Роберта Митчема.

— Митчем в качестве режиссера — как раз то, что мне нужно. Вы знаете, у него прекрасный характер, отличное чувство ритма, он может быть грозным и доброжелательным.

Коннери также уважает Митчема за сильно развитое чувство собственного достоинства. Подобное уважение вовсе не удивительно в человеке, имеющем такой же характер и не терпящем, чтобы кто-то чужой вторгся в его внутренний мир.

Знаменитый актер как будто остается не удовлетворенным собственной славой. Ее звездная пыль не затуманила ему глаза. Его отношение к своей популярности остается далеким от тщеславия. Работу в кино он рассматривает как творческий процесс, причем с долей скептицизма отзывается об иных актерах, имен которых предпочитает не называть.

— Они полагают, что можно привести в порядок чужую игру угрозами. Такой подход представляется мне совершенно неприемлемым. Дело в том, что фильм в любом случае — это коллективная работа. Чем лучше играешь ты и твои партнеры, тем лучше выходит и картина!

Как в кино, так и в жизни Шон Коннери не стремится создавать себе искусственный имидж. И что он так долго сохраняет свой мужественный облик, скорее дар природы, а не итог личных усилий.

— Я почти ничего не делаю, чтобы сохранять хорошую форму. А, наверное, следовало бы... Ну, играю в гольф. Прыгаю через скакалку и, наверное, могу скакать довольно долго. Как-то раз я попробовал заняться спортивной ходьбой: две мили до Пуэнте-Романо, и две — обратно. Занимался этим ежедневно в течение трех недель. Должен честно признаться: то, что я в результате получил, совершенно не оправдало вложенных усилий. Я не стал чувствовать себя намного лучше. И тогда подумал: «Господи, я затратил на это

столько сил, а на моей голове не прибавилось ни волоска! Ну совсем никакого результата!..»

Самое удивительное, что я вынес из беседы с Шоном Коннери, — насколько изменчиво его отношение к самому себе. В отличие от подавляющего актерского большинства он не пытается культивировать у себя какой-то определенный и постоянный облик. И мужество, с которым он сумел уйти из «бондианы» — одной из наиболее удачных серий фильмов в истории мирового кино, — показало это уже много лет назад.

— Чем дольше я продолжал сниматься в этой роли, тем меньше у меня оставалось шансов на то, что я когда-нибудь смогу быть способен на что-то иное.

А Коннери всегда хочет делать «что-то иное». Любой образ кажется ему концом творческого пути, а ведь он должен быть все время в странствии... Актер и родился в семье, постоянно переезжавшей с места на место, а потому до сих пор хранит в себе цыганское отношение к жизни.

Исключая приверженность к гольфу, на мой взгляд, в его неутомимой жизни есть лишь три постоянных привязанности. Первая — любовь к семье и особенно к жене Мишлен; во время беседы было очень заметно, насколько она ему дорога. Вторая — чистая страсть к актерской профессии. Его картины подобны остановкам, рассеянным по всему миру, где он, перелетная птица, всегда может передохнуть. Вместо ответа на вопрос о планах на будущее он выложил передо мной целый ворох сценариев. Дело лишь за его выбором. В этот момент он сильно походил на человека, размышляющего над картой мира, куда ему отправиться на этот раз.

Третья привязанность — его любовь к родине, Шотландии. Семья Коннери и профессиональная карьера, где бы он ни был, — всегда с ним. А Шотландия... Что ж, большую часть жизни он проводит вдали от нее, но родина остается постоянной отправной точкой, к которой Коннери продолжает стремиться. Именно она определяет политические и личные пристрастия знаменитого актера. Он связан с ней корнями. Я рас-

сказал ему, как шотландский кинорежиссер Джо Макграф году в 1970-м спросил актера Питера Селлеса — когда тот последний раз ездил на верхнем этаже автобуса? Выяснилось, что тот не залезал туда уж лет двенадцать. Тогда Макграф сделал вывод, что Селлерс утерял связь с корнями, из которых вырастал его комедийный талант.

— А, Питер... Он сам себе был худшим врагом. Зато я вспоминаю, как он воображал, что первым открыл марихуану. Мне до сих пор нравятся те штуки, которые он умел делать. И я люблю то, что он всегда любил. Как приятно бесцельно бродить по улицам, заходить в бары — это очень важно, мне кажется! Я очень люблю побродить по Эдинбургу, когда выдается часок свободного времени.

Коннери утверждает, что за всю жизнь его шотландский акцент не исчез.

— У меня очень хорошо сохранились все интонации шотландского выговора, — утверждает он.

Это в самом деле правда. В нем самом также сохранилось очень много от шотландцев. А им всегда была присуща известная двойственность. Шотландия от природы была бедной страной, и в силу этого в ее жителях сильно развито ощущение приоритета духовных ценностей. С другой стороны, будучи бедными, шотландцы всегда испытывали тягу к материальному. Долгое время для каждого из них идеалом было связать воедино эти противоречия, соединить два противоположных начала.

Из этого, к примеру, исходит вся жизненная философия Карнеги. Хотя девиз «честь и достаток» вполне может быть хорошо переведен на языки многих наций. Судя по всему, Коннери также отлично это сознает.

После беседы с Шоном Коннери у меня возникло подозрение, что одна из причин, по которой большинство первых встречных на улице испытывают к нему столь крепкую привязанность, заключается в том, что, восхищаясь действиями актера на экране, они видят в нем прежде всего хорошего парня.

В гостях у Джеймса Бонда

Уильям МАКИЛУЭННИ

«САНДИ ТАЙМС МЭГЭЗИН», ЛОНДОН.

ЕГО можно безошибочно узнать даже издали — как будто в вестибюль отеля забрел огромный дрессированный медведь. Шон Коннери тепло приветствует нас с фотографом, сажает в свой автомобиль и везет в Каса Малибу, до которого всего несколько минут езды.

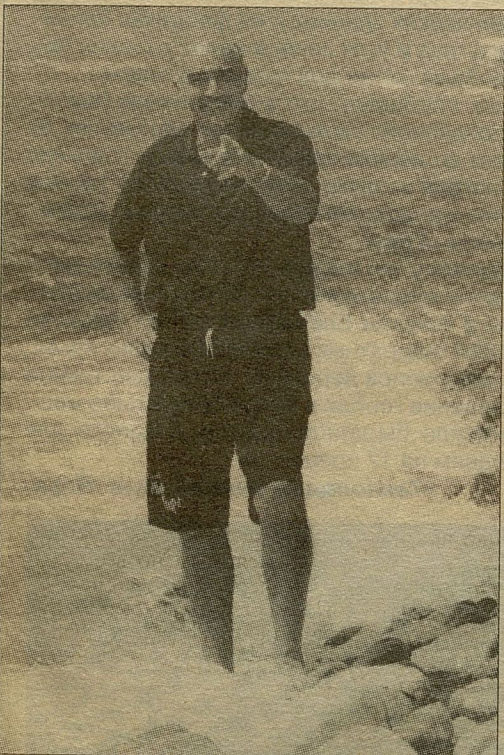
Каса Малибу — небольшое личное владение знаменитого шотландца в Марбелье. Это обнесенный массивным забором замкнутый мирок деревьев, травы и цветов, тесно примкнувшие друг к другу белые строения, похожие на старинный замок, плавательный бассейн и небольшой кусочек частного пляжа. Пока фотограф просит его принимать различные

разместил его рабочий кабинет, уставленный призами за игру в гольф, пройдя через него, располагаемся на веранде, где и проходит наша беседа. Коннери ведет ее с непринужденным обаянием. В нем столько очарования, что, если разлить его по бутылочкам на продажу, можно сколотить неплохое состояние. Актеру не жалко тратить на нас время. После трехчасовой беседы он покорно соглашается еще попозировать фотографу, а потом настаивает на том, чтобы отвезти нас на машине обратно в отель, до которого не более десяти минут ходьбы.

Только после прощания начинаешь ощущать, насколько весомым было его присутствие. Такое впечатление возникает у каждого, кто впервые с ним видится. Большинство людей просто занимают собой определенный объем пространства, но некоторые как бы испускают своеобразное излучение. Со стороны кажется, будто

Блестящая физическая форма актера, так ослепляюще действующая на его почитателей, может на первый взгляд затмить всю сложность и глубину человеческого характера, скрывающиеся за ней. Ибо не одна лишь внешность сделала Шона Коннери самым знаменитым в мире шотландцем. Ведь за этой впечатляющей оболочкой таится неуловимо странный человеческий характер, который, кажется, может считать своей родиной всю планету Земля.

Коннери может позволить себе иметь дом в Марбелье и офис в Лос-Анджелесе, а его официальное место жительства — отель «Багамы» в Нассау. Когда же его спросили, нравится ли ему жить там, он ответил: «Недостаточно для того, чтобы осесть навсегда, хотя, честно говоря, я и сам не знаю, где бы хотел постоянно жить. Всюду в конце концов может надоесть».

Шон Коннери у себя дома в Марбелье.

они меня совсем не интересуют. И это чистая правда: я как-то не держусь за вещи. У меня даже нет свидетельства о рождении.

Собственность — своего рода зеркало, в котором отражена психология ее владельца. Она свидетельствует о стремлении к самоутверждению. Ее отсутствие позволяет предположить, что человек не нуждается в доказательствах

Коннери, естественно, чрезвычайно интересен и всеведущ, но тут невольное удивление вызывает то, что такой замечательный актер склонен больше говорить о других, нежели о самом себе. Его восхищение коллегами велико и безгранично. Оно переходит в восторженное перечисление великих имен — от Ральфа Ричардсона, Лоренса Оливье, Кэри Гранта